

UNITED NATIONS

NATIONS UNIES

Examinations and Tests Section / Office of Human Resources Management

2007 Competitive Examination for Arabic-language translators

PART II

الأمم المتحدة
امتحان المترجمين إلى اللغة العربية
12 تشرين الثاني/نوفمبر 2007

الورقة الثانية – ساعة ونصف الساعة

تتضمن هذه الورقة أربعة نصوص ذات طابع عام باللغات الإسبانية والروسية والصينية والفرنسية وثلاثة نصوص متخصصة قانونية وتقنية وعلمية. على المتقدمين للامتحان أن يترجموا إلى العربية نصا واحدا من هذه النصوص اللغوية الأربعة (أو) نصا واحدا من النصوص الثلاثة الأخرى إذا اختاروا عدم الترجمة عن لغة رسمية ثانية.

This paper includes a total of seven texts, four in official United Nations languages (Chinese, French, Russian and Spanish) and three specialized texts in English (legal, scientific and technical).

Translate ONE text only into Arabic

(Time: one and a half hours).

اكتب بخط واضح على وجه واحد من الورق
واترك هامشا إلى يمين الصفحة
واترك سطرًا خاليا بعد كل سطر من الكتابة

لا تفتح كراسة الامتحان إلى أن يُطلب إليك ذلك.

Do not open this examination booklet until told to do so.

Russian Text

Ядерные страхи Японии

Япония - единственная страна мира, которая подверглась полномасштабной ядерной атаке и которая понесла огромные человеческие потери в результате радиоактивного заражения.

Поэтому странным кажется такая приверженность Японии атомной энергетике: в стране действует больше ядерных реакторов, чем в любом другом государстве кроме США и Франции.

А еще более странным это кажется в свете часто происходящих в Японии природных катаклизмов, таких как землетрясения.

Несмотря на болезненность вопроса атомной энергии для японского общества после бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, Японию всегда сильно волновал еще один вопрос - отсутствие на территории страны энергоресурсов.

Если не принимать во внимание ряд мелких проектов использования геотермальных электростанций, других основных источников энергии в стране нет: речь идет об отсутствии нефти и очень небольших запасах угля.

Поэтому когда в 1950-х годах США начали кампанию под лозунгом "Атом в мирных целях", Япония - к тому моменту верный союзник Вашингтона в "холодной войне" - с готовностью к ней присоединилась.

Размах строительства атомных станций достиг максимальных масштабов в 1970-80-х годах - в тот период, когда подгоняемая растущим экспортом японская промышленность развивалась огромными темпами.

В те времена вопросы ядерной безопасности волновали немногих. Кроме того, японское общество привыкло безоговорочно верить своим инженерам, которые научились строить сейсмоустойчивые небоскребы, дороги, мосты и дамбы.

Масштабные строительные проекты, такие как возведение АЭС, вписывались в японскую программу огромных инвестиций в развитие инфраструктуры в целях стимулирования экономического развития в регионах.

Также это было на руку таким компаниям, которые создавали многие технологии, использовавшиеся на АЭС.

В общем, в тот момент японское руководство разработало план развития страны, против которого большинство граждан Японии особо не возражали.

Инцидент на американском Три-Майл-Айленде в 1979 году и чернобыльская трагедия в СССР в 1986 году заставили многих японцев задаться вопросами ядерной безопасности. Но эти люди продолжали оставаться в абсолютном меньшинстве.

Ситуацию изменила целая серия инцидентов, проблем с безопасностью и сокрытия фактов, подрывавших доверие японской общественности к тому, как осуществляется управление атомной энергетикой.

В 1999 году два человека погибли, а жители десятков домов были эвакуированы после того, как на объекте в Токаимуре к северу от Токио произошла неконтролируемая ядерная реакция.

Выяснилось, что погибшие сотрудники смешивали опасные дозы урана в открытом резервуаре в нарушение правил безопасности. Эти люди стали первыми "ядерными" жертвами Японии с 1945 года.

Спустя три с половиной года компания Терсо, подающая электричество в Токио, была вынуждена закрыть все свои 17 реакторов, признав, что отчеты проверок были сфальсифицированы.

А самый серьезный инцидент произошел в Японии в марте 2004 года на ядерном комплексе в Михаме на западном побережье страны: пять человек погибли, когда обжигающий пар вырвался из поврежденной трубы. Эту трубу не проверяли на протяжении восьми лет перед трагедией.

В итоге многие японцы стали противиться строительству новых ядерных объектов, а в ряде случаев обратились в суд в попытке остановить действующие реакторы.

Важным вопросом является проблема сейсмоустойчивости. Согласно существующим нормам, АЭС должны безболезненно переносить землетрясения силой до 6,5 баллов, хотя правительство хочет поднять эту планку до 6,9 баллов. Однако землетрясения на большей части Японии могут быть намного большей силы.

Spanish Text

La calle de tierra donde me crié tenía tres nubes. Infallibles en primavera. Una nube de polvo que reinaba hasta que pasaba el camión regador, una nube de mariposas, amarillas por lo general, y otra nube de nosotros, los niños del barrio que intentábamos cazarlas con ramitas de paraíso.

Del olor a tierra mojada me acuerdo, y de aquella recurrente fiesta de mariposas que nos traía la primavera. De pronto, ya no están. Y no fueron diezmadas por nubes de pantalones cortos con ramas de paraíso. Las espantaron el asfalto, el humo implacable de los coches, las construcciones desahoradas y los agroquímicos que, de manera incipiente en los 60, comenzamos a esparcir por las praderas. Durante esta década, los fenómenos climáticos se han agravado como nunca. Parecería que en el nuevo siglo sucederán, finalmente, las calamidades tan temidas, capaces de terminar con el planeta tal cual ha sido concebido durante miles de años. Del mismo modo, la pérdida de recursos naturales vitales nos pondrá de cara a la revolución más grande que haya vivido la humanidad. Será un mundo sin petróleo, con escasez de alimentos y agua potable, falta de oxígeno puro ante la deforestación y la creciente contaminación que generan las grandes ciudades, miles de hectáreas desertificadas, temperaturas extremas y aumento del nivel del mar.

La situación de nuestro país merece que nos ocupemos del tema con urgencia. Permitir la deforestación, no poseer un plan adecuado que garantice la pluralidad de los cultivos, no prever fenómenos climáticos largamente anunciados, no establecer políticas claras de manejo de los recursos en general, incluyendo el petróleo, los metales, los bosques, el paisaje y, por supuesto, el agua, comportan decisiones políticas que nos afectan cotidianamente. Miremos en derredor para comprobar el colapso local. Faltan gas y electricidad. Hay caos en los aeropuertos. Las fábricas de autos producen medio millón de unidades más por año. Las calles y las autopistas no dan abasto. Las extensiones cultivadas se ampliaron de manera exponencial. El diésel para atender la demanda no resulta suficiente y, lo que es peor, la degradación de la tierra es alarmante. Este verano se produjo un nuevo récord de venta de aparatos de aire acondicionado. Se utilizan, en general, a menos grados de lo que sería necesario. Por lo común, las oficinas, las casas y los cines se transforman en heladeras durante el verano y en hornos durante el invierno.

Definitivamente, tenemos que convertirnos en consumidores sostenibles. Hay decenas de elecciones cotidianas que podemos hacer. La invitación es a razonar. Y a pensar en el desafío que tenemos por delante: una verdadera revolución, en la que todos podríamos ser protagonistas. Un pronunciamiento global por aire limpio, agua pura, sanidad en los alimentos, y consumo equitativo. Un nuevo escenario, en el que sería posible revivir el jaleo de las mariposas.

Chinese text

从古至今，无论是人类创造的物质文明还是精神文明，无论是历史中开天辟地的大事，还是日常生活中的风土人情，我们都可以通过语言的记录来对其有清晰的了解。语言是人类独有的一种能力，由于人类有语言符号，才能运用语言符号进行思维，并把思维活动的过程和积累的知识经验传授下去。

不容置疑，任何民族的文化都不可能是孤立存在的，它必然要与其它的文化相互影响相互融合。这些影响、融合会在它的语言中留下明显的印记，那就是语言中的外来词，也就是在与别的文化交流的过程中所吸收的别种语言的词汇。

外来词的借入是一种语言的包容性、适应性、再生性的最好体现。世界上各种文明在冲突和融合的过程中，必然伴随着语言的接触。在现存的具有强大生命力的语言中，没有一种是原始的、纯粹的、最初形式的语言。因为没有交往、不吸收比自身更优秀的文化的族群，必然无法适应社会的发展，从而造成族群的灭亡和语言的消失。

我们研究外来词，可以把它看成是文化发展长河中注入活力的激流，是历史上民族交往的足迹。我们可以通过它探究各民族语言、文化、性格等方面的特征，了解、分析现今世界中文明的冲击和整合的情况。

French Text

L'Europe et le Maghreb

On pourrait parler de la crise institutionnelle qui paralyse la construction européenne depuis le printemps dernier et le double « non » des Français et des Hollandais au référendum constitutionnel. On pourrait parler de la faiblesse du sentiment européen, ou de la croissance qui ne serait pas aussi forte qu'elle pourrait l'être, etc. Bref, à 50 ans, l'Europe aurait déjà un pied dans la tombe...

On pourrait parler de tout cela et passer à côté de l'essentiel.

L'essentiel, c'est que l'Europe, avec toutes ses difficultés, reste l'œuvre politique la plus incroyable et la plus ambitieuse de l'histoire moderne. Il y a un plus de cinquante-cinq ans, l'Europe était un continent en ruines, ravagé par les nationalismes, les idéologies totalitaires, à l'origine des deux plus grandes guerres qu'ait connues l'humanité.

Aujourd'hui, voilà un ensemble de 27 pays, peuplé de 500 millions d'habitants, qui vivent tous dans des pays démocratiques, et, pour la plupart, riches. Voilà un demi-milliard des citoyens qui bénéficient pour la plupart d'un système unique de protection sociale, de santé, d'éducation, de partage des richesses. Un ensemble presque sans frontières que l'on peut traverser de part en part, sans passeport, et en utilisant la même monnaie...

On peut critiquer une stratégie sociale coûteuse, qui ralentit la croissance. Mais aujourd'hui, l'Union européenne produit plus que les États-Unis. Et les Européens vivent mieux et plus longtemps que les Américains. Bien sûr, il y a des problèmes : l'immigration, l'assimilation des diversités religieuses, le manque d'intégration et de moyens militaires, une diplomatie globale à voix multiples, des dépenses de recherche trop faibles, des États budgétivores...

Mais l'Europe, c'est aussi de très grandes entreprises mondiales, des millions de PME, une douceur de vivre, une culture qui a résisté à l'invasion américaine, un regard sur le monde particulier, une démocratie toujours vivace.

L'Union européenne est une grande affaire et une affaire d'avenir.

Et que sa construction soit difficile, complexe, n'est pas surprenant. Il s'agit après tout de fondre des nationalismes, des histoires, des cultures, des langues, des ambitions souvent différentes et contradictoires dans une ambition commune.

À ce propos, il est stupéfiant que les maghrébins n'aient pas fait un centimètre de progrès dans la construction maghrébine depuis l'indépendance. Rien, depuis 1960, à part quelques discours, des mots, quelques bureaucrates, et une enseigne assez ronflante : Union du Maghreb arabe.

Il est stupéfiant aussi que le sujet intéresse aussi peu les hommes politiques, les intellectuels, les élites de la société civile, les entrepreneurs... Stupéfiant de constater que se déplacer entre Alger, Tunis et Casablanca reste souvent aussi complexe, qu'aucun projet économique commun n'ait vu le jour en près d'un demi-siècle...

La construction du Maghreb, voilà un projet qui pourrait donner du souffle à grande échelle, accélérer la modernisation économique et politique, donner une ambition, une vision aussi à ces millions de jeunes sans défis et sans perspectives, qui pourrait donner du sens au dialogue euro - méditerranéen, et nous éloigner finalement des tentations passéistes et des illusions théocratiques

**FRAMEWORK AGREEMENT FOR THE CONSERVATION OF LIVING
MARINE RESOURCES ON THE HIGH SEAS OF THE SOUTH PACIFIC
“THE GALAPAGOS AGREEMENT”**

THE COASTAL STATES OF THE SOUTHEAST PACIFIC, MEMBERS OF THE SOUTH PACIFIC PERMANENT COMMISSION (SPPC) AND OTHER INTERESTED STATES,
WHEREAS:

The coastal States of the Southeast Pacific, through the 1952 Declaration of Santiago, proclaimed their sovereignty and exclusive jurisdiction within a 200-mile maritime zone, with the aim of ensuring the conservation and appropriate exploitation of the natural resources off their coasts, and laid the foundation for this zone's establishment and acceptance as one of the fundamental institutions of the new Law of the Sea;

The Declaration of Santiago also recognized that a coastal States' duty to prevent an excessive exploitation of natural resources outside the reach of their national jurisdiction, which could endanger those resources' existence, integrity and conservation, detrimental of the peoples that in their seas possess irreplaceable subsistence resources;

With these goals in mind, the coastal States in question agreed to establish the South Pacific Permanent Commission (SPPC), to coordinate their maritime policies and to promote the adoption of measures to preserve the environment and protect the integrity of the South Pacific's marine ecosystem;

In conformity with the relevant provisions of international law, all States have the right to allow their nationals to engage in fishing on the high seas, subject *inter alia* to the rights, duties and interests of the coastal States with regard to the capture of straddling stocks and highly migratory species;

These provisions imply the recognition of a preferential status for the coastal States, justified by the relationship that exists between fish stocks of such species and the marine ecosystems of those States, as well as by the effects of fishing activities on certain coastal fish populations, associated or dependent of the same;

The uncontrolled exploitation of living marine resources in high seas areas adjacent to zones under national jurisdiction represents a threat to the conservation and sustainable use of said resources, as well as to fish populations dependent on or associated with them, and it may undermine the effectiveness of measures adopted by the coastal States with respect to the same species, within their 200-mile zones;

The provisions on these matters contained in recent instruments adopted within the United Nations Organization must be evaluated and adapted to the specific requirements of the South Pacific;

In light of the considerations set forth here, the coastal States of the Southeast Pacific have the right and duty to ensure the conservation and sustainable use of the living marine resources present in their sub region, including those which migrate from the zones under their national jurisdiction to the high seas and vice versa;

The countries have administered some of the world's biggest fishing grounds and have adopted effective measures to promote the long-term sustainability of the living marine resources there, and thus they have a special interest in ensuring that the measures applied on the adjacent high seas are no less strict than those in the zones under their jurisdiction.

Computer Viruses Are 25 Years Old

The first computer virus wasn't much of a threat. Created by a mischievous Pittsburgh high school student, Elk Cloner annoyed unwitting Apple II users with a brief poem extolling its power to proliferate.

The year was 1982. The IBM personal computer had only been born the year before (its first virus would not crop up until 1986), the worlds of science and business had yet to adopt computer technology on a wide scale and computer users were primarily a gaggle of tech-savvy hobbyists who swapped files by floppy disk.

In the 25 years since the irksome but relatively benign Cloner, the growing World Wide Web of computer networks and high-speed Internet connections has left just about everyone with a PC or laptop vulnerable to malware (malicious software). In the process, malware has evolved from a minor irritant into big business.

The costs of malware are hard to quantify, but estimates range from tens to hundreds of billions of dollars in lost profits and fraudulently acquired gains annually, says computer security expert Eugene Spafford, a professor of computer science in the Center for Education and Research in Information Assurance and Security at Purdue University.

Like viruses and similar programs called worms, modern malware copies itself onto unsuspecting computers via e-mail attachments, Web pages or more direct attacks. But instead of causing those machines to crash, it may monitor keystrokes to detect social security numbers or deliver spam peddling bogus get-rich-quick schemes. So-called bots even allow attackers to remotely control infected systems.

Old-style malware, seemingly written for bragging rights, made headlines for knocking out swaths of the World Wide Web. The SQL Slammer worm briefly slowed Internet traffic to a crawl in early 2003. Financial motives often drive newer malware, which is subtler, more like a parasite, Spafford says. It sticks around inflicting damage but "it doesn't want to kill the host because that kills it, too", he says.

In a commentary published online, Spafford and computer scientist Richard Ford of the Florida Institute of Technology warn that the problem will widen in scope as cell phones and other household electronics become increasingly sophisticated and connected (think iPhone). Malware has no single cause or solution, and is likely to get worse before it improves, Spafford says. "A lot of the problems have to do with human nature," he says. Consumers demand more and fancier computer functions, creating more spaces for viruses and bots to hide. Software and machines could include tools to make them more resistant to malware, but people would probably switch them off to play games, he says. A report published in late June called for more research to improve cybersecurity technologies and policies. Spafford says a concerted effort by governments and industry could rein in the growth of malware in the coming decade—if the subject received sustained attention.

Humans Have Spread Globally, and Evolved Locally

Historians often assume that they need pay no attention to human evolution because the process ground to a halt in the distant past. That assumption is looking less and less secure in light of new findings based on decoding human DNA. People have continued to evolve since leaving the ancestral homeland in northeastern Africa some 50,000 years ago, both through the random process known as genetic drift and through natural selection. The genome bears many fingerprints in places where natural selection has recently remolded the human clay, researchers have found, as people in the various continents adapted to new diseases, climates, diets and, perhaps, behavioral demands.

The emerging lists of selected human genes may open new insights into the interactions between history and genetics. A genomic survey of world populations by Dr. Feldman, Noah Rosenberg and colleagues in 2002 showed that people clustered genetically on the basis of small differences in DNA into five groups that correspond to the five continent-based populations: Africans, Australian aborigines, East Asians, American Indians and Caucasians, a group that includes Europeans, Middle Easterners and people of the Indian subcontinent. The genetic clustering showed that as people migrated around the world, each new population carried away just part of the genetic variation in the one it was derived from. The new scans for selection show so far that the populations on each continent have evolved independently in some ways as they responded to local climates, diseases and, perhaps, behavioral situations.

The concept of race as having a biological basis is controversial, and most geneticists are reluctant to describe it that way. But some say the genetic clustering into continent-based groups does correspond roughly to the popular conception of racial groups. "There are difficulties in where you put boundaries on the globe, but we know now there are enough genetic differences between people from different parts of the world that you can classify people in groups that correspond to popular notions of race," Dr. Pritchard said.

David Reich, a population geneticist at the Harvard Medical School, said that the term "race" was scientifically inexact and that he preferred "ancestry." Genetic tests of ancestry are now so precise, he said, that they can identify not just Europeans but can distinguish between northern and southern Europeans. Ancestry tests are used in trying to identify genes for disease risk by comparing patients with healthy people. People of

different races are excluded in such studies. Their genetic differences would obscure the genetic difference between patients and unaffected people.

No one yet knows to what extent natural selection for local conditions may have forced the populations on each continent down different evolutionary tracks. But those tracks could turn out to be somewhat parallel. At least some of the evolutionary changes now emerging have clearly been convergent, meaning that natural selection has made use of the different mutations available in each population to accomplish the same adaptation.